

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 82.0(091)

**«ДОМОСТРОЙ» СИЛЬВЕСТРА
В ОЦЕНКЕ КАЗАНСКИХ УЧЁНЫХ XIX ВЕКА***Н.Г. Комар***Аннотация**

В статье освещается взгляд на «Домострой» в дореволюционных работах казанских учёных И.Я. Порфирьева, С.П. Шестакова и А.С. Архангельского, которые не учитываются в отечественном литературоведении при исследовании древнерусского произведения. Сделан вывод о том, что Порфирьев и Шестаков, внимательно изучавшие «Домострой», внесли немало нового в восприятие памятника XVI века, выявили его общечеловеческий смысл, во многом предвосхитив работы современных исследователей. Точка зрения Архангельского на «Домострой» видится неаргументированной, и его недооценка произведения, скорее всего, связана с тем, что данный памятник никогда не был для него предметом специального изучения.

Ключевые слова: древнерусская литература, «Домострой», литературоведение в Казани.

«Домострой» является одним из важнейших памятников древнерусской литературы XVI века, без которого трудно представить эпоху Иоанна Грозного. Обширная библиография произведения постоянно пополняется новыми исследованиями¹. Вместе с тем среди многообразия подходов и оценок (как в дореволюционных трудах, так и в современных работах) достаточно отчётливо выявляются две противоположные точки зрения. В согласии с первой, «Домострой» является примером идеального построения жизни в древнерусском обществе данной эпохи, не утратившим своего значения для современных благочестивых семей. Другими словами, идеал семьи, отображённый в памятнике, рассматривается исследователями не только в культурном контексте определённой эпохи, но и в связи с христианским мировидением как таковым. В соответствии с другой точкой зрения, мир «Домостроя» видится «глухим и тупым миром безграничного самодурства» [1, с. 297], воспринимается исключительно сквозь призму принципа историзма, то есть анализируется преимущественно как памятник культуры своего времени. Вторая позиция возникла и укрепилась в работах учёных «народнического» направления XIX века. В советское время по понятным

¹ История вопроса подробно освещается в статье В.В. Колесова «Домострой как памятник средневековой культуры» [1].

причинам древнерусский памятник не вызывал особого исследовательского интереса, а редкие работы отличаются негативными оценками.

Исследования, на которые мы хотим обратить внимание читателей в настоящей статье, не учитываются при изучении «Домостроя», хотя упоминаются в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». Речь пойдёт об учёных, связанных с казанской литературоведческой традицией, – И.Я. Порфирьеве, С.П. Шестакове и А.С. Архангельском (к тому же 2014 год является юбилейным и для Казанского университета, где они преподавали и занимались наукой в XIX веке, и для «Учёных записок Казанского университета», в которых они публиковали свои научные открытия).

Актуальность обращения к трудам казанских учёных состоит в том, что именно в работах Порфирьева и Шестакова впервые в науке при изучении данного памятника ясно обозначился подход, связанный с выявлением христианского идеала, не подверженного влиянию истории. Так, статья профессора Казанской духовной академии И.Я. Порфирьева «Домострой Сильвестра» (1860) была первой в ряду работ, посвящённых всестороннему изучению памятника как литературного произведения, о чём писала Н.И. Макарова в кандидатской диссертации «И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы» [2, с. 58–60]. Позднее в более сокращённом виде данная статья Порфирьева войдёт в его «Историю русской словесности» [3, с. 544–556].

В свою очередь, исследование профессора классической (греческой) словесности Казанского университета С.П. Шестакова «Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра» (1901) носит сравнительный характер: автор попытался найти и объяснить общее и различное в двух типах «Домостроя» (византийском и русском), а также определить, повлиял ли греческий памятник на русский. Есть упоминание о «Домострое» и в труде профессора Казанского университета А.С. Архангельского «Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV – XVII вв.)» (1913), для которого, к сожалению, этот памятник не стал предметом специального изучения.

Начнём с исследования Порфирьева. Изучаемый им список принадлежит В.И. Григоровичу, профессору Казанского университета, одному из основоположников славяноведения в России. Подробно сличая его со списком Коншина, учёный утверждает: «Кроме незначительных пропусков, состоящих из двух-трёх слов и немногих вариантов, он во всём сходен со списком... по местам, впрочем, правильное его» (П., с. 292).

Высоко оценивая «Домострой», Порфирьев считает его «в высшей степени любопытным памятником русской письменности» (П., с. 274). Данное произведение, с одной стороны, имеет конкретную цель – оно было составлено священником Сильвестром для поучения собственного сына Анфима (последняя, 64-я, глава «Послание и наставление от отца к сыну», скорее всего, является предсмертным завещанием ему). С другой стороны, этот текст отличается общим для древнерусской жизни религиозным характером, «который с самого начала положила на жизнь наших предков божественная христианская вера» (П., с. 285). Несмотря на то что «Домострой» в большей степени отразил современную жизнь XVI века, представленные в нём правила практической мудрости, бережливости,

умного ведения хозяйства и управления домом, изложенные во 2-й части памятника, «составлялись постепенно, переходили из поколения в поколение» (П., с. 288) и являются достоянием житейской мудрости предыдущих веков.

В начале статьи ученый даёт подробную справку о жизни, личности и творчестве протопопа Сильвестра, предполагая, что, скорее всего, он окончил дни своей жизни в Соловецком монастыре: среди памятников Соловецкого монастыря в библиотеке Казанской духовной академии имеются рукописи с его подписями. Далее Порфирьев обозначает круг вопросов, связанных с изучением «Домостроя»: в каком отношении он находился к современной ему жизни русского общества XVI века и когда он составлен? «Представляет ли он точную копию, чисто историческую картину жизни этого общества, или он есть только идеальный образец, которого в современной жизни не было и который представлялся только воображению составителя и его современников, подобно предкам своим, учивших и желавших, чтобы жизнь народная следовала таким именно правилам?» (П., с. 294).

Подробный текстологический анализ самого «Домостроя» исследователь начинает с определения преемственности и проводит параллель с «Поучением Владимира Мономаха», обнаруживает влияние на «Домострой» Священного Писания, памятников церковной письменности, особенно сборников сочинений святых отцов («Златоуст», «Измарагд» и др.), а в последних главах произведения находит некоторые общие наставления, схожие со старинным обрядником, известным под именем «вождя по жизни» (П., с. 293). При наличии множества различных источников «Домостроя» учёный отмечает адаптацию правил и поучений из этих источников и соединение их с мудрым опытом жизни древнерусских людей.

Считая «Домострой» не столько историческим рассказом, сколько сборником правил и наставлений, необходимых для жизни человека в семье и обществе, исследователь подчёркивает его дидактический пафос и диалогический подход протопопа Сильвестра: помимо правил или наставлений по поводу конкретных явлений составитель даёт «предостережения и увещания не делать противного» (П., с. 294), указывает на отклонения от норм, имевшие место в жизни общества XVI века. Но ошибочным будет, полагает казанский учёный, и позиционировать «Домострой» как точную копию современной ему жизни, и считать его «чисто идеальной картиной жизни, образцом, представлявшимся только воображению его составителя» (П., с. 295–296). Сильвестр брал идеал в том числе «из жизни современных ему... богобоязливых, добрых и разсудных людей, таких добрых порядливых хозяев» (П., с. 297), часто встречавшихся на его жизненном пути. Порфирьев также указывает на благочестивую жизнь и самого протопопа Сильвестра, старавшегося воплотить в жизни все самые благочестивые рекомендации (поэтому его слово имеет силу воздействия, что особенно заметно в последней главе).

Вообще говоря, вопрос об идеале видится одним из самых важных для исследователя. Надо заметить, что преподаватели словесности Казанской духовной академии, изучая отечественную литературу, много внимания уделяли данной проблеме (например, это прослеживается в преподавании С.И. Протопопова, учителя Порфирьева [3, с. 115–116]). Порфирьев задаётся вопросом: «В каком же

виде представляется в «Домострое» этот идеал жизни»? (П., с. 297). Отвечая на вопрос, учёный констатирует две основы этого идеала: во-первых, глубокую веру, а во-вторых – опыт народной жизни, одухотворённой христианскими ценностями.

В отличие от устоявшегося в современном отечественном литературоведении мнения, что «Домострой» строго регламентирован и имеет чёткую трёхчастную структуру (Бог – Царь (Государство) – быт), И.Я. Порфирьев отрицает в нём строгую систему, но отмечает композиционное деление памятника на две части: первые 24 главы являются «правилами веры и благочестия», а в остальных параграфах представлены «правила экономии, управления домом и вообще хозяйством» (П., с. 298).

Эти части, по мнению исследователя, часто имеют чисто практический характер. Правила веры излагаются не отвлеченно, их вполне возможно исполнить в жизни: ««Домострой» не в общих чертах представляет *праведное житие*, но определённо указывает, в каких добродетелях оно должно выражаться, и при этом объясняет не только нужду той или другой добродетели, но вместе и то, каким образом она может и должна быть исполнена в жизни... указывает на те вредные следствия, какими неизбежно сопровождается в обыкновенном быту неправедная и беспорядочная жизнь» (П., с. 298). В тех же случаях, которые «касаются обращения с людьми, различных житейских случаев и отношений», имеет место «не просто приложение правила, закона к жизни, но иногда полное приспособление их к обстоятельствам, к требованиям людей и времени» (П., с. 298).

Отмечая некоторую противоречивость «Домостроя», Порфирьев говорит о тяжёлом времени правления Иоанна Грозного, «когда вместо закона управлял жизнью произвол, когда постоянно надобно было опасаться, чтобы не оскорбить чьего-нибудь самолюбия, не затронуть чьих-нибудь интересов и не подвергнуться клевете, наговору и опале» (П. с. 303). Но, порицая «принцип уклончивости, применительности и угодливости людям, который в жизни легко переходит в совершенное равнодушие к правде и неправде и в потворство неправде» (П. с. 305), в совершенное безразличие к общественному мнению, Порфирьев подчёркивает важность многих наставлений «Домостроя», направленных на разъяснение, «как ужиться с разными людьми в жизни и при этом по возможности сохранять правду», не ссориться с неправедными людьми, «не вредя ни своим добрым к ним отношениям, ни другим своим интересам» (П., с. 303). Сильвестр, по утверждению Порфирьева, пытается показать, что отступление от закона и снисхождение возможно только по отношению к окружающим людям, но отстаивает строгость в отношении к самому себе. Иными словами, «Домострой» учит жить не по букве, а по духу, а это вполне соотносится с Евангелием. Отсюда и забота о собственной репутации, которая не должна быть поводом к соблазнам и раздолью для злых языков.

Больше всего нападкам в «Домострое» всегда подвергались учение о наказаниях и положении женщины в семье. Порфирьев делает очень глубокое наблюдение: единственной силой наказания является «чувство стыда», покаяние, для воспитания которого эти наказания и необходимы (П., с. 312–313). Что же касается вопроса о роли женщины в древнерусском обществе, учёный вполне согласен с предъявляемыми к ней в «Домострое» требованиями. Однако невозможно согласиться с его высказыванием о непоручении женщине «важного дела

воспитания детей». «Воспитание, – считает исследователь, – в те времена не отличалось много от питания, и было так несложно, что для него не требовалось ни особого времени, ни особой заботы; оно могло совершаться во время хозяйственных занятий: оно и состояло только в учении страху Божию, вежеству и рукоделию; сыновей учили письму и разным промыслам» (П., с. 316). Далее он пишет: «Воспитание оканчивалось браком» (П., с. 318).

На наш взгляд, из «Домостроя» как раз и следует, что воспитание, брак, истинные семейные ценности – это самое главное для древнерусского человека, в отличие от более поздних времён (о чём далее учёный сам будет рассуждать). В первую очередь древнерусские люди старались научить своё чадо быть искренне верующим христианином, хорошим человеком, ведь тогда он будет стараться быть хорошим главой семейства, достойным отцом (или заботливой хозяйкой и матерью), мастером того ремесла, которым он занимался, тогда он не будет совершать дурные поступки. Порфирьев же считает, что пороки, существовавшие в старину и порицаемые в «Домострое», «были следствием недостатка образования и которым ныне пора бы уничтожиться» (П., с. 328). На самом деле пороки у людей бывают не от недостатка образования, а от переизбытка эгоизма, поэтому они во все времена жизни на земле имели и будут иметь место, как всегда существовали и будут существовать люди, стремившиеся к правде и находившие в себе желание и силы бороться со своими страстями.

Относительно 2-й части «Домостроя», посвящённой ведению домашнего хозяйства, Порфирьев отмечает важнейшую его направленность на обучение всякого человека «жить по своим средствам и ни в чём не нуждаться» (П., с. 321). В связи с этим он признаёт огромный авторитет древнерусского памятника, заключающего в себе «собрание уроков, добытых жизнью их отцов и дедов», и называет его «завещанием всего древнего русского человека своим потомкам» (П., с. 323). Казанский исследователь указывает, что «Домострой» пережил и сильнейший переворот, совершённый Петром I в XVII веке и «поколебавший весь строй» русской жизни. Во многих благочестивых семьях, по его мнению, «благочестивые обычаи “Домостроя” сохраняются» и по сей день (П., с. 326). С этой точки зрения вряд ли можно согласиться с Н.И. Макаровой, которая полагает, что Порфирьев воспринимал «Домострой» как «консервативную утопию» и якобы отрицал «возможности консервации идеала эпохи в изменившихся исторических условиях» [2, с. 60].

В данном случае принципиальным является то обстоятельство, что Порфирьев разделяет два подхода к восприятию и функционированию «домостроевского» свода правил – по духу и по букве: «Предания и обычаи плодотворны и спасительны в жизни только тогда, когда они находятся в тесной связи с тою силою, которая их создала, с тем источником, из которого они произошли и который постоянно своими свежими струями должен поддерживать их плодотворность. В противном случае, оставаясь в наружной неприкосновенной целости, они теряют свою жизненную силу и превращаются в пустую форму, не только бесплодную, но и вредную для жизни» (П., с. 329).

Наглядный пример тому – раскольники, отделившиеся от Церкви, «под влиянием которой составила большая часть “Домостроя” относительно веры и жизни нравственной». Без её руководства раскольники «скоро утратили истинный смысл

этих правил и перетолковали их самым ложным образом. Они образовали из этих правил цепь религиозных софизмов, которою опутали не только сами себя, сделавши, таким образом, невозможным доступ в свой замкнутый круг всякого явления новой жизни, кажущейся им своеволием и беззаконием, но и опутывают постоянно других, не способных понять и разрушить ложность этих софизмов и обольщающихся только наружным их видом благочестия и старины» (П., с. 330).

Таким образом, несмотря на некоторые противоречивые, с нашей точки зрения, высказывания казанского учёного, в целом он не только очень высоко оценил значение «Домостроя» для древнерусского общества, но и выявил непреходящее значение памятника, его постоянную актуальность в поисках семейного идеала.

Большим уважением к духовному содержанию «Домостроя» пронизана и работа С.П. Шестакова. Специальным предметом его исследований, как уже упоминалось выше, была классическая филология, но он нередко обращался и к древнерусской литературе. В статьях [5–6] уже сообщалось, что первоначально доклад о «Домострое» казанский учёный прочитал на заседании «Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете». В качестве статьи он был опубликован в «Византийском Временнике».

Во введении работы автор обосновывает актуальность обращения к русскому и византийскому памятникам, в которых собран житейский опыт народа. Эти произведения, полагает он, стали на долгие годы руководством для каждого человека на пути духовно-нравственного совершенствования: «Уже в самых ранних литературных произведениях... мы видим, что чувство внутреннего довольства посещает человека лишь тогда, если он свято соблюдает тот круг нравственных требований, которые создаёт само это общество и который становится тем определённое и выше, чем дальше подвигается его духовное развитие. С самых ранних пор также этот кодекс популярной морали освящается религией» (Ш., с. 1).

При сравнении двух памятников – византийского и русского – Шестаков проводит параллели не только с греческими произведениями (например, с дидактической поэмой Гесиода «Труды и дни»), трудами философов, богословов, историков (Симонида Аморгского, Аристотеля, св. Иоанна Златоуста и т. д.), но и с древнерусской литературой («Поучением Владимира Мономаха» и др.). Например, говоря о той части, где освещается бытовая сторона древнерусской жизни, Шестаков пишет: «Наставления нашего “Домостроя” несравненно пространнее <...>. Такие подробности, конечно, относятся только к русскому быту, и источниками “Домостроя” могли быть здесь монастырские обиходники» (Ш., с. 9).

Сопоставляя произведения, Шестаков параллельно прослеживает историю вопроса, комментирует критические работы. Он не только анализирует памятники на содержательном и структурном уровнях, но и систематизирует их, разбивая на тематические «категории» (выражение Шестакова): забота о доме, хозяйстве и т. д. Его также интересуют проблемы языка: он отмечает особенности стиля, делает этимологические наблюдения [6, с. 23].

В результате анализа Шестаков пришёл к выводу, что не было влияния греческого памятника на русский «Домострой», хотя в греческой письменности

византийской эпохи продолжал существовать древнейший литературный жанр (восходящий к VII веку до Р.Х.), который стал предметом данного исследования казанского учёного. Он, как и Порфирьев, говорит о великом значении христианской религии, преобразившей все сферы жизни как Византии, так и Руси, и этим объясняется сходство произведений, несмотря на разновременное их написание. Исследователь размышляет и о происхождении русского «Домостроя» и его прототипах, предполагает зависимость древнерусского «протодомостроя» от византийского образца (скорее всего, через посредничество южнославянской литературы), а различие в раскрытии отдельных тем (например, о врачевании, о беседе с монахами, о положении женщины и др.) определяет уже национальными особенностями.

В перспективе учёный предлагает сопоставить древнерусский «Домострой» как с византийским памятником XI века, так и с более близкими к нему западными памятниками такого же типа. В заключении работы Шестаков с уверенностью говорит, что византийские произведения будут гораздо ближе отечественному, чем западные.

Противоположную точку зрения относительно «Домостроя» высказывает А.С. Архангельский в своём труде «Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV – XVII вв.)». По его мнению, Московская Русь 2-й половины XVI – XVII в. была бессильна против всех «нестроений» в государстве, «уже хорошо сознававшихся лучшими людьми» (А., с. 317). Он видит печальную картину как в среде духовенства², так и в общественной жизни³. Казанский учёный считает, что «Домострой», изображая семейную жизнь московской Руси, показывает, насколько «низменно, узко-материально понималась эта жизнь; “Стоглав” представляет картину общего церковного и земского разброда, – ряд других, дошедших до нас памятников московской письменности второй половины XVI века подводит нас к политическому вопросу о царской власти, о боярах, общественном значении этого класса и его отношения к “царям”» (А., с. 322).

К сожалению, Архангельский не приводит конкретные примеры из текста, излишне, с нашей точки зрения, идеологизируя произведение. Позиция учёного, на наш взгляд, выразительно иллюстрирует недостаточность принципа историзма, если этот метод использовать в качестве доминирующего.

Сравнение разных позиций казанских учёных, таким образом, позволяет актуализировать важную методологическую проблему подходов в изучении памятников средневековой культуры. Её актуальность подтверждается уже тем, что в современной науке даже исследователи христианского направления, руководствуясь только доминантой историзма, игнорируют более глубокий смысл «Домостроя». С этой точки зрения показательно следующее высказывание из достаточно солидного труда последних лет по истории древнерусской литературы: «“Домострой” в редакции Сильвестра составляет органическую часть

² «В общем своём большинстве московская иерархия XVI – XVII вв. (имеется в виду священство. – Н.К.) представляла собой собрание людей совсем иного характера, чем какими были такие отдельные её представители, как митрополит Даниил, рязанский епископ Кассиан, священник Сильвестр» (А., с. 319).

³ «Неизвестный автор “Домостроя”, подводя общую редакцию старых семейных законов и обычаев, сам того не замечая, пишет в сущности самую злую карикатуру на современную ему семейную жизнь московской Руси!..» (А., с. 318).

правительственных мероприятий середины XVI в. по регламентации государственной, социальной, частной жизни и, по мнению Д.С. Лихачева, доводит “унификацию, идеализацию и поэтизацию быта до предела возможного”, так что может восприниматься как очередная “утопия” гуманистической “гномики”» [7, с. 567].

Подводя итог всему вышесказанному, заметим, что И.Я. Порфирьев и С.П. Шестаков, внимательно изучавшие «Домострой», проявили прекрасное знание как самого произведения, так и современной научной литературы о нём. Анализируя тексты, аргументируя свои положения интересными примерами и сопоставлениями, они внесли много нового в восприятие памятника XVI века и выявили его общечеловеческий смысл. В настоящее время в отечественном литературоведении к их взгляду на памятник и подходу в изучении древнерусской литературы очень близка позиция современного московского учёного, профессора Литературного института А.Н. Ужанкова [8].

Summary

N.G. Komar. Silvester's "Domostroy" in the Appraisal of 19th Century Kazan Scientists.

The article reports on the view on “Domostroy” presented in the pre-revolutionary works of Kazan scientists I.Ya. Porfiriev, S.P. Shestakov and A.S. Arkhangelsky. Unfortunately, their papers are not considered in the national literary criticism while investigating Old Russian works. A conclusion is made that Porfiriev and Shestakov carefully studied “Domostroy” and contributed a lot to the perception of the 16th century monument, revealed its universal meaning, and anticipated contemporary researches in many respects. The point of view of Arkhangelsky on “Domostroy” seems to be unreasoned, and his underestimation of the work is probably due to the fact that this monument was never the subject of his special study.

Keywords: Old Russian literature, “Domostroy”, literary studies in Kazan.

Источники

- А. – *Архангельский А.С.* Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV – XVII вв.). – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1913. – 526 с.
- П. – *Порфирьев И.Я.* Домострой Сильвестра // Православный собеседник. – 1860. – Ч. 3. – С. 274–330.
- Ш. – *Шестаков С.П.* Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. – СПб., 1901. – 26 с.

Литература

1. *Колесов В.В.* Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. – СПб.: Наука, 1994. – С. 286–300.
2. *Макарова Н.И.* И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2000. – 182 с.
3. *Порфирьев И.Я.* История русской словесности: Ч. 1. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 724, IV с.
4. *Комар Н.Г.* Из истории преподавания русской литературы в Казанской духовной академии // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы X Междунар. науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения»

- (Великий Новгород, 10–13 мая 2010 г.). – Великий Новгород: Новг. гос. ун-т, 2010. – С. 112–116.
5. *Комар Н.Г.* Проблемы древнерусской литературы в наследии Сергея Петровича Шестакова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посв. 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 окт. 2004 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 328–329.
 6. *Комар Н.Г.* Некоторые аспекты сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 19–26.
 7. *Левшун Л.В.* О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI – XVII веков. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. – 896 с.
 8. *Ужанков А.Н.* Домострой // Златоустовский центр. Лекторий ВК: Лекция 17 (запись от 21.06.2012). – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JIPkljmiNrk>, свободный.

Поступила в редакцию
28.01.14

Комар Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: Bellenkaja@yandex.ru